Инга Максимовская

XXXL

Как не влюбиться в миллиардера

Инга Максимовская

XXXL. Как (не) влюбить(ся) в миллиардера

«Инга Максимовская»

2022

Максимовская И.

XXXL. Как (не) влюбить(ся) в миллиардера / И. Максимовская — «Инга Максимовская», 2022

Он – тот, от кого нужно держаться как можно дальше: завидный жених, миллиардер и жуткий мерзавец – Егор Холод. А я неудачница с лишним весом, чрезмерно активной мамой и пока одной кошкой. Наши миры никогда бы не пересеклись, если бы я в буквальном смысле не свалилась на его голову в тренажерном зале. А теперь так совпало, что он – мое задание. И главная моя цель даже не нарыть на него компромат, а спастись самой, выполнить поручение начальства и ни в коем случае не влюбиться в этого бородатого нахала.

© Максимовская И., 2022
© Инга Максимовская, 2022

Содержание

Пролог 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Инга Максимовская
XXXL. Как (не) влюбить(ся) в миллиардера

Пролог

Фитнес-центры придумали инквизиторы. Раньше, во времена смутные, эти адские залы назывались пыточными, сто пудово. А тренажеры использовали для того, чтобы колесовать ведьм и вздергивать на дыбу прочих отступников. Например, вон у того парня на гакк-машине скоро выпадут от натуги глаза и повиснут как у улитки на ниточках. Господи, что я тут делаю?

– Зина, куда ты опять уставилась? – недовольный голос церберши Карины, приставленной ко мне любящей мамулей в качестве личного тренера, заставил меня вздрогнуть. – У тебя сегодня по плану фет барн. Надеюсь в этот раз ключ безопасности при тебе?

Я поежилась. Чертову пластмасску я конечно же забыла в раздевалке, ну не возвращаться же за ней было в подвальное помещение. Не ближний свет. А признаваться бабе, похожей на жидкого терминатора в своей рассеянности, половина самоубийства, уж поверьте. И так наломаюсь сегодня так, что на работу завтра утром поползу кряхтя и стеная.

– Да, – малодушно солгала я, похлопав себя по несуществующему карману на блестящих розовых лосинах, купленных мною явно в пароксизме послерабочего безумия. – Кроссовки зашнурованы, вода в подстаканнике, – предвосхищая дальнейшие вопросы отрапортовала, посмотрев на озадаченную тренершу, глядящую на меня с едва прикрытой жалостью.

– Сейчас начнешь? – совсем по-человечески спросила женщина-агрегат, проплаченная моей неуемной родительницей. Дело в том, что маман твердо решила выдать меня замуж, только вот никто не зарится. Не в ходу сейчас у мачо дамы с рубенсовскими формами.

Я кивнула. Чего ждать-то у моря погоды? В этой «пыточной» даже отключение света не является уважительной причиной отлынить от аутодафе. Мощные генераторы не оставляют шансов несчастным еретикам.

Никогда, слышите? Никогда в жизни не соглашайтесь на жиросжигающую тренировку не имея в рукаве туза в виде ключа безопасности. Хотя, сегодня видимо мой ангел хранитель отвлекся на грудастую девку, похожую на богиню, грациозно подтягивающуюся на гравитроне. И ключ бы мне вряд ли помог.

– Погнали, – рявкнула Карина, и врубила на полную мощность беговую дорожку. Я попыталась бодро заработать ногами, но отчего-то не смогла. Что-то с треском лопнуло, полотно адской машины понеслось с бешеной скоростью. – Ключ, где ключ? – донесся до меня голос тренерши, истеричные нотки в котором потонули в вое тренажера.

– Нету, – вякнула я, вдруг осознав, что по дорожке я не бегу оказывается, а очень бодро ползу, активно перебирая всеми четырьмя конечностями. Но додумать я так и не смогла, потому что почувствовала, что скорость дорожки увеличивается.

– Черт, она не работает, – заорала Карина, – не могу выключить. Зина, расслабься, не ползи, умоляю. Помогите! – панически проорала всегда невозмутимая церберша, щелкая кнопками на обезумевшем агрегате. – Я сейчас вернусь. Надо вырубить электричество.

Куда там, я обезумев от бешеной скачки нарастила бодрый галоп, чувствуя себя цирковой кобылой. Карина исчезла за секунду. Оставив меня один на один с взбесившейся машиной убийств. И я поняла, что уже не могу держать заданный темп.

Мир вдруг перевернулся. Один раз, второй. А потом я взлетела в воздух, расщеперившись как белка летяга. Показалось, что я протаранила спиной каменную стену, которая громко охнула басом. Перед глазами у меня пронеслась вся бестолковая жизнь. Одной ноге стало холодно, руки тряслись как у бродяги-алкаша, а мир вокруг виделся кверху ногами. Под моим

затихшим телом что-то активно зашевелилось. Я открыла рот, и заорала во всю мощь сведенных судорогой связок.

– Господи, у тебя голос, как у дельфина во время брачных игр, заткнись и слезь с меня, – прогудело нечто, все тем же басом и резко сбросило меня на плиточный пол с моего достаточно мягкого ложа.

«Наверное я упала на мат, но он почему-то говорящий. Так разве бывает?» – запоздало подумала я, ослепнув от боли в отбитом заду, содранных, по всей вероятности до мослов, коленях и сбитых ладонях.

– Живая? – поинтересовался бас. Я наконец открыла глаза и уставилась на огромного бородатого мужика, на бандитской физиономии которого расплывался великолепной синевы фингал.

– Частично, – вякнула я, и только сейчас поняла, что валяюсь у ног этого бородача, раскорячившись как препарированная лягушка, и он видел мой позор.

– Когда ты лежала на мне, выглядела более привлекательно, жабка, – хохотнул мерзавец. Это что же. Я на него?.. Ооооо. Он назвал меня жабой. Черт, боже, за что? – Штанцы у тебя, класс. Были. Жаль, что теперь их придется выкинуть. Хотя, там и выкидывать-то уже нечего. Лайкра не для слабаков. Ни разу не видел, что бы бабы так быстро лишались одежды. А трусишки могла бы и поинтереснее надеть, меня соблазнить «неделькой» трудно. Искушен я, знаешь ли. Но то, как ты использовала спортинвентарь, ради того, чтобы завалить меня, произвело неизгладимое впечатление. Еще ни одной бабе не удавался этот финт.

– Почему? – ну почему я такая идиотка. Зачем спросила? Ясно же, что услышу очередную порцию издевки. – В смысле трусишки? Что ты, – начала было я, но наткнулась на едкий взгляд сузившихся глаз, – то есть вы, себе позволяете?

– Я? – кровожадно ухмыльнулся чертов медведь, оскалив белоснежные клыки. – Я вообще-то тягал железо, пока ты, жабка, не сбила меня с дельты. Честно признаюсь, впервые в жизни я видел, чтобы беговую дорожку использовали подобным образом. Был восхищен, потому прощелкал момент, когда ты со скоростью торпеды с него слетела, не успел среагировать.

За что, господи? Ну за что? Почему именно я? Я ведь хожу в собачий питомник волонтерить и бабушкам всегда место уступаю в транспорте, а еще подбираю на улице бездомных животных, лечу их и пристраиваю, даю путевку в жизнь. Так за что ты наказуешь меня так изощренно.

Я стояла напротив огромного, похожего на гризли, мужика и мечтала провалиться сквозь землю. Только бы не чувствовать взгляда подбитых насмешливых глаз на своем заду, который не прикрывали лосины, рассыпавшиеся на «стрелки», а нарисованная мордочка киски на трусах сейчас не казалась мне милой – скорее пошлой и неуместной.

– Егор, черт побери, ты в норме? – раздавшийся за моей спиной мужской, но какой-то тонкий голос, прозвучал как холостой залп Авроры в дождливый осенний день.

– Все в порядке, Михуил, – оскалился бородач, и мне захотелось выдрать ему глаза, которыми он прожигал мою киску, ну, то есть кошачью мордочку нарисованную на трикотажных дурацких пейджен-слипах, которые в народе зовут панталонами. Нафиг я вообще их купила, ну не детсадовка же я. И морда у кошечки сейчас кажется зловещей, а не милой. – Знаешь, ты нашел самый никчемный фитнес – центр. Или в этом городе все такое: женщины, спортивные залы, парковки, торговые моллы?

Я оглянулась и всхлипнула. Друг немаленького бородача был похож на гору, и его писклявый голосок казался насмешкой всевышнего. Я стояла зажатая между двумя мускулистыми великанами и чувствовала себя еще более убогой, чем обычно. Очень надеюсь, что они не замечают валиков на моих боках, и целлюлита на заду. Хотя, я же вся перед ними, как на ладони. Щеки залила огненная краснота, я почувствовала, что воздух вот-вот кончится, и я

свалюсь на пол, в довершение своего позора. Нельзя позволить себе совсем уж пасть в глазах гризли и его прихвостня.

– Налюбовались? – каркнула я, попыталась сглотнуть липкую слюну, но подавилась и закашлялась, как бывалый туберкулезник со стажем. Из глаз брызнули слезы, но я все еще убеждала себя, что не потеряла лица.

– На твою восхитительную незамутненность насмотреться невозможно, – захохотал гризли и похлопал меня по спине. Легонько. Но показалось, что из меня выпадет позвоночник. – Прям никак не наглядюсь, прям никак.

– Дурак, – прорыдала я и расправив плечи почапала к выходу из зала на негнущихся ногах. Колени содранные до мяса немилосердно жгло.

– Ты обзываешься, как детсадовка, лягушонок, – заржал чертов гризли. Я оглянулась, посмотрела на его физиономию и зловредно отметила, что его глаз начал отекать и закрываться. Так и надо этому самоуверенному бабуину.

– А ты, ты. Чертов кретин.

Уже пожалела, что оглянулась. Надо было просто уйти. Просто преодолеть несколько метров и гордо свалить в закат, не теряя лица. Но это же не про меня.

– Эй, ты тут забыла, мелкая? – ударила мне в спину звуковая волна нахального баса, я больше не смогла себя контролировать и ломанулась вовсе лопатки, давясь запоздалыми рыданиями. Как он меня назвал? Это что, издевательство такое изощренное? Уууу, не прощу. Хотя. Что ему мое прощение, мы из разных миров. Он из мира роскошных блондинок, железа и судя по всему – денег. Я – из мира толстух-неудачниц. Больше сюда я не вернусь. Никогда. Даже если мама будет снова имитировать сердечные припадки. Даже если земля разверзнется и оттуда вылезет огромный демон и запульнет меня в сторону этого чертова пыточного ристалища я буду цепляться культями за все, лишь бы не долететь до чертова спорт-клуба с чудесным названием «Чугунная Дюймовочка». Да, так и будет. Даже демон не так страшен, как этот наглый нахал, от взгляда которого я покрываюсь чесучими пятнами, как после килограмма мандаринов.

Егор Холод

– Кто это сделал? – прорычал я, уставившись на экран лаптопа уцелевшим глазом. – Сука, кому руки оторвать? Выверну наизнанку если найду, мехом внутрь.

– Холод, не ори, – поморщился Мишка, запивая водой последствия вчерашнего мальчишника. – Башка как переспелый арбуз, только что не трескается.

Я почесал зудящий подбородок. Чертова аллергия, или как там называется гребаная болезнь, появляющаяся на нервной почве? И бороду пришлось отпустить только потому, что без нее я был похож на прыщавого подростка, страдающего от нехватки половой жизни.

– Миша, ты знаешь, что делают с гонцами. Приносящими плохие вести? – захотелось взять нож для бумаги, валяющийся на столе и запустить его в бороду.

– Ну чего ты разволновался так? Ну выложили видео на ютуб, мать твою. Ты его посмотри только. Я чуть не скончался со смеху. Тебя там и не видно, – вымученно улыбнулся Мишка, – только волосатые копыта сорок шестого размера, торчащие из под голозадой котлетки. Но ты же не думаешь, что хоть кто-то может опознать тебя на видео по столь незначительной детали?

– Удалить, – заорал я, с силой дернув себя за бороду. – Ты понимаешь, что сейчас должен быть со всех сторон чистым и пушистым? Сука, я столько лет работал, не для того, чтобы эта толстозадая летучая курица загубила мне все. Я Егор Холод, а не петрушка ярмарочный. А теперь, когда созданная мной партия вот-вот… Мать твою. На черта я приехал в этот гребаный город, который ненавижу. Ненавижу здесь все, включая толстожопых баб.

– Невозможно, Гор. Это интернет. Я уже дал команду спецам нашим, они только руками развели. Там посмотри просмотров сколько. Ролик уже в сети завирусился. Название глянь «Промсарделька на метле». А приехал ты сюда с электоратом общаться. Егор, остынь, этот город твоя малая родина, и людей здесь немеряно. И они все пойдут за тобой. Успокойся.

Я обвалился в кресло, глядя на экран, на котором мученически закусив губу и раздув щеки яростно ползла похожая на розового мини-пига, мелкая пухляшка. Черт, угораздило же.

– Найди мне бабу, – выдохнул я, одним глазом посмотрев на дружка-помощника. Второй со вчерашнего дня у меня не открывался, и это тоже было проблемой. Мне выступать через два дня перед избирателями, а я похож на пирата с летучего голландца. Ха-ха, это будет выглядеть так «Вы готовы дети? Да капитан» Подавив нервный смех, я уставился на озадаченного Михуила.

– Не стоит, их проверять замучаешься, – сделал очередной глоток воды Мишка. – Ты же у нас флагман чистоты и целомудренной порядочности. А бабы народ говорливый.

– Толстую бабу. Притащи мне сюда эту промсардельку. Из – под земли достань. Думаю, она засланный казачок. Кто-то копает под меня. И я хочу знать – что это за сука.

Глава 2

Зинаида

– Мама, ну за что ты меня так назвала? – всхлипнула я и зашипела от боли. Мама засопела, и с утроенной силой начала работать ватным тампоном, пропитанным йодом.

– Ты лучше расскажи, кто это тебя так покалечил? Уж больно травмы интересные, я бы сказала неоднозначные. Надеюсь это был здоровый парень, похожий на мужика из «Игры престолов», но того бородатого, помнишь? – хихикнула родительница, мечтательно приложив ладошку измазанную йодом к своей щеке.

– Мама, успокойся уже. Я не понимаю, почему ты не радуешься. Твоя дочь – примерная девушка, не пьет, не курит, тебя слушается, не шалается по подворотням. Я даже ходила на занятия в спортзал. Не понимаю, почему ты стараешься выпихнуть меня из своей жизни.

– Понимаешь, доча, когда девочка не шалается, как ты изящно выразилась, в семнадцать лет – это приводит в восторг маму, когда в двадцать лет девушка учится и строит карьеру – это вызывает гордость, когда в двадцать два года у мадемуазель до сих пор нету парня, мам это начинает напрягать. А вот когда чаду исполняется двадцать пять, нет нормальной работы, желтая газетенка не в счет, параметры далеки от модельных – мама начинает жалеть, что ее доченька не шалается. Мама не знает, что делать. Конечно я напрягаюсь.

– А если при этом ее дочь зовут Зина, и ее мать делает все возможное. Чтобы ей было страшно идти домой, таскает женихов не первой свежести для своей кровиночки, всячески подталкивает ее к грехопадению со старым, лысым бородавочником – то это вообще катастрофа, – вредно закончила я и взвыла от того, что любящая мамочка с силой припечатала пропитанную антисептиком вату к открытой ране.

– Бородавочника звали Адольф Гильермович, и он не старый. А потом, тебе же его не варить. Ох, сердце схватило. Ты меня вгонишь в могилу, и внуков я не увижу, похоже – рявкнула родительница. – А ты провыбираешься и останешься в девках. Даже Каринка отказалась с тобой заниматься. Вчера звонила, говорит денег никаких не нужно. Что ты натворила-то опять? Умру я, будешь вон, с блоховозками этими остаток жизни коротать, – кивнула она на белоснежную красавицу кошку, которую сама же и прозвала «Чучмечкой» уж не знаю по какой причине.

– А у твоего Адольфа прическа была «Былинка на ветру» – не осталась я в долгу, вспомнив зачес из трех волосинок на гладкой лысине. Волосинки были щедро смазаны гелем и от порывов сквозняка подскакивали на дешевом скальпе женишка, как крышка на кипящем чайнике.

– Оооо, – снова схватилась за грудь маман, только от чего-то за правую.

– Сердце слева, а мне на работу пора, – радуясь тому, что скоро сбегу из дома, подскочила я на табуретке, заскулила от боли и метнулась в свою комнату, пока умирающая лебедь не опомнилась.

– Перчатки надень, те ажурные, чтобы никто не видел твоих содранных ладоней. А то подумают невесть что, – придала мне ускорения мамочка.

– Эх, Чуча, – тихо вздохнула я, с трудом натягивая на зад джинсы, купленные мною неделю назад на распродаже. Сели они, что ли, не застегиваются. Кошка мяукнула и отвела глаза. – Он был похож на того здоровяка из маминого сериала. Но мне ничего бы не светило, в любом случае.

Конечно я опоздала. Просочилась в холл редакции газеты в которой работаю, в надежде на то, что меня посетит суперспособность становиться прозрачной. Невзирая на то, что рабочий день начался минут сорок назад, обычно пустой в это время предбанник был многолюден. Я ввалилась в офис, и поежилась, почувствовав себя Бубликовым из всем известного фильма. На меня уставились десятки глаз.

– Здрасти, – пискнула я, – тут что, фестиваль?

– Иди, главный ждет тебя. Рвет и мечет, – словно приговор прошептала Лизка. – Зина, мать твою, ты…

– Пришла? – раздался трубный рев Альфредыча, моего непосредственного начальника, предвещающий рагнарек, не меньше. Мы любовно зовем тщедушного главреда Крюгером, ибо похож. – Быстро в кабинет.

Я ссутулилась и поползла к месту казни, слушая за спиной странные противные смешки. Убью Лизку, за то что мне не позвонила. Могла бы и предупредить, что меня будут четвертовать. Я бы забюллетенила. Но за что? Не за опоздание же.

– Здравствуй, дорогая «Промсарделька» – кровожадная усмешка на страшной физиономии начальника меня напугала даже больше, чем паскудно-обидное обращение.

– Что вы себе позволяете? – икнула, вперившись взглядом в огромный экран для презентаций за спиной Альфредыча, транслирующий монстра, затянутого в розовую лайкру. Монстр пыхтел, пучил глаза и со скоростью света полз по какому-то черному полотну, оставляя за собой километры. Полотно блестело, дымилось, искрило, и казалось, что из бодро подпрыгивающей задницы чудовища вылетают столбы переливающегося смога. Морда монстра, отдаленно напоминающего человека, показалась мне странно знакомой. Но озарение на несчастную мою головушку еще не дошло, поэтому я даже хихикнула. Монстр на экране, вдруг взвыл, соответствуя всем канонам своей монстрячей сущности и взлетел в воздух. У меня перехватило дыхание. Розовые штанцы с треском лопнули и рассыпались на нитки. Трусы на уродце, попали крупным планом в кадр.

– Этто как? Это же… – заскулила я, схватив со стола начальника графин. Ополовинила его в один глоток, не в силах отвести взгляда от страшной картины. – Ноги… Это… Черт… Но как же?

– Зина, ты теперь звезда инета, – заржал Альфредыч, – у меня даже есть любимое место, сейчас перемотаю. Знаешь, впору даже автограф просить.

– Не надо перематывать, – выдохнула я, упав на стул. – Вы теперь меня уволите?

– Ну что ты, девочка. Я даже премию тебе выпишу, потому что…

Мне показалось, что я проваливаюсь куда-то в глубины ада. И начальника я не слушала. Я знаю кто сделал это позорное видео и его выложил в интернет. Чертов бородатый мерзавец, только он мог пойти на такую полость. Найду. И заставлю удалить этот ужасны пасквиль. Никто не имеет права лезть в мою жизнь своими грязными лапищами.

– Ты поняла? Сделаешь? Надо же, такого зубра завалила и так вовремя. Мы всех порвем, – словно сквозь вату донеслись до меня слова начальника. Я кивнула, даже не зная, на что соглашаюсь.

Егор Холод

Ненавижу этот серый город. Кажется тут круглый год непогода, хмарь и туман. Не спасают достопримечательности и статусность. Не спасает ничего от воспоминаний маленького мальчика, которого взяли и выкинули из семьи в интернат, просто потому что стал не нужен. Черт, мне уже под сраку лет, а я все еще холю воспоминания, все еще постоянно расковыриваю рану, не давая ей зажить.

Я Егор Холод – известный, успешный, сделавший себя сам, чертовски не хочу выходить сегодня к толпе земляков, потому что боюсь не справится с ненавистью. Потому что…

– Жора, ты готов?

Вздрогнул, услышав жизнерадостный голос моего собрата по несчастью. С Мишкой мы знакомы черт знает сколько лет. Почти брат, но сегодня, вот именно сейчас, мне хочется с силой въехать ему кулаком по расплывшейся в улыбке физиономии. Как раньше, когда любое неудовольствие мы выплескивали именно агрессией.

– К чему? – криво ухмыльнулся я, пришпиливая запонку к манжете рубашки. – Миша, я давно не имею страха перед толпой. Единственное, что меня напрягает, это то, что ты до сих пор не нашел жируху и не приволок ее за волосы в мою пещеру. Стадо, состоящее из наших с тобой земляков меня только забавляет. Электорат, мать их. Где они были, когда нас с тобой кормили баландой в гребаном клоповнике? Что делал чертов электорат, когда ты чуть не сдох от краснухи, в медпункте интерната, кишащем тараканами? Электорат, блин. После этого фарса я хочу бабу. Двух. Джакузи посреди этого убогого номера и расслабиться. Да, прямо вот тут – джакузи. И не нужно тут включать режим апостола, умоляю. Найди мне самых дорогих шлюх, языки им вырви, чтобы не трепались. Это твои проблемы, как ты договоришься с мадамами. Ясно? Но я хочу, чтобы они были коренными жительницами этого вонючего городишки, фактическими.

– Это еще зачем? – хмыкнул Михаил. Естественно он знает, зачем. Понял все, поганец, но хочет услышать из моих уст. – Решил в их лице поиметь весь город? Холод, пора уже прекращать самобичевание. Тебе не семь лет, ты почти бог. Все люди вокруг не могут отвечать за то, что ты обижен на горстку сволочей. И город этот прекрасен, чтоб ты знал. А теперь иди и сделай народ своими вассалами. Потом у нас плановая поездка в интернат, давший тебе путевку в жизнь.

Показалось, что самый страшный кошмар разрывает реальность. Меня перекосило как от зубной боли.

Как я вытерпел эту муку, не помню. Особенно поездку в пенаты родного воспитательного учреждения. Лживые улыбки, лесть, льющаяся водопадом. А я чувствовал себя забитым мальчишкой в чертовом тумане, которым пропитан этот поганый город. Ежик в тумане, блин. Только лошадку осталось позвать. Черт, в памяти всплыла девка, скачущая на четвереньках по полотну беговой дорожки, и в голове словно лопнула невидимая струна.

– Ее хочу, – прохрипел я, садясь в лимузин. – Мишка, бабы должны быть толстыми в трусах с кошками и глазами как у бассет-хаунда.

– Эк тебя развезло, – озадаченно хмыкнул друг-помощник. – Может вместо джакузи тебе поспать? Где я тебе найду шалав с взглядом несчастных трогательных псинок? Ну зачем тебе толстые-то сдались?

– Нет, хочу дискотеку, – кровожадно улыбнулся я, выдирая из петель запонки, чтобы хоть немного снять напряжение. – Ты же вот не любишь фастфуд, но все равно жрешь вредные котлеты, политые вонючим соусом. Я видел, не отпирайся. И это твои проблемы, выполнять мои извращенные фантазии ты знаешь.

– Жалко, что от глупости еще не придумали таблеток, – притворно вздохнул Мишка.

Зинаида

– Ну что, уволил? – жадно прохныкала Лизка, зажав меня между туалетной дверью и раковиной. – Если да, я с тобой уйду. Надо же, за такую ерунду. Но ты отожгла, конечно. Трусы где покупала? А тот мужик, на которого ты свалилась, лапа, да? Ой, Зинка, я так переживала. Ну, за мужика. А еще…

– Зачем тебе знать, где я трусы покупала? – глупо икнула я, потеряв способность воспринимать словесные экзерсисы подруги уже на втором предложении.

– Чтобы тот магазин обходить по кривой дуге, – простодушно ответила Лизка. Мать говорит про нее, что «Простота хуже воровства». Наверное она не так уж и не права. А еще мамуля называет мою подругу Ухогорлоносихой. Вот бывает и так, фигура у Лизки – закачаешься. Талия тонкая осиная, ноги от ушей, попа как две спелые дыньки. В сочетании с ниспадающей до этих самых бахчевых, белокурой гривой, выглядит она бомбически. Со спины. Случайные уличные кавалеры, очень часто идущие за моделью, как крысы за Гамельнским дудочником, мажа слюной несколько кварталов асфальта, становятся заиками, когда нимфа, повернувшись к ним в анфас превращается в… Короче, Лизка простояла в очереди за фигурой и волосами, когда всевышний раздавал все остальное. Грудь у моей подруги минус первого размера, зато нос уши и даже, невесть откуда взявшиеся у молодой дамы, зачатки кадыка, вполне себе выдающиеся. Короче – в нашем тандеме нет красивой подружки.

– Значит тебе мужика жалко, – прищурилась я, прикидывая, как совершить смертоубийство, да так, чтобы побольнее. Изощреннее чтоб. – А то, что я стала посмешищем на весь свет, ты как-то не учитываешь? А теперь мне дали какое-то идиотское задание еще. Плюс ко всему. А тебе трусы мои не нравятся? Убью.

– Не уволили, значит, – пропустив мимо ушей все, что я ей говорила, облегченно выдохнула Лизка. – А что за задание?

– Пока нет, как я поняла. Нужно вывести на чистую воду какого-то супер крутого хмыря. Нарыть компромат, – пробухтела я, доставая папку с вводными данными на объект. – Крюгер сказал, что сделает меня главной отдела, если я всколыхну грязное белье мужика. Урод, наверное, какой-нибудь. Зажравшийся боров. Егор Холод его зовут. Бррр. Даже имя как у де мороза. А если не выведу. Дадут мне пинка под хвост.

– Ооооо, – стон Лизки мне совсем не понравился. – Зинка. Он такой… Ооооо, ты что, не знаешь Холода? Ты телевизор-то не смотришь? Мужик – конфета. Я бы его съела, нет сначала бы облизала. Такой секси. Но там не светит нам вообще. Слушай, а он ведь живет в «Аленьком цветочке». Отель в самом центре. Самый лучший вариант, где ему можно хвост прищемить. Ну, или что поинтереснее.

– Я работать собираюсь, а не… – рявкнула я, оттолкнула Лизку и пробежала глазами по строчкам. Вообще ничего не понимаю, и фото объекта нет. И что там Альфредыч нес, про наше знакомство? Нету у меня таких знакомых. Откуда у толстой неудачницы бы им взяться?

– Короче, если в отель пойдешь, у меня там знакомая работает. Катьки Варькиной тетки подруги приятельница. Она там администратор. Будешь как Джеймс Бонд в юбке.

– Я пойду просто, как репортер, – ажитированная Лизка меня пугает до чертей. А Лизка, вот с такими глазами, как у нее сейчас, даже страшнее адских бесов.

– Ага, так и пустили тебя. Прямо ждут, когда репортер пасквильного желтого листа придет копаться в грязном белье политика и миллиардера. Просто вот со вчера стоят, склонившись в поясном полупоклоне. Все ждут, чтобы тебе рассказать грязные тайны самого чистенького в стране магната, мецената и просто хорошего парня, – хихикнула чертова ухогорлоносиха. – Я договорюсь, пойдешь как камеристка. В тележке с препаратами и швабрами спрятать диктофон и фотик плевое дело. Ты хоть телек посмотри, там Холода показывают весь день. Он почетный гражданин нашего города, кстати. Приехал на три дня всего, так что времени в обрез.

– Чего мне на него пялиться? Тоже мне икона, блин, – вредно фыркнула я. А надо было послушать эту дуру хоть раз в жизни. Хоть раз в идиотской жизни девственницы с идиотским именем, являющейся полной идиоткой.

И зачем я согласилась. Ведь знала же, что когда у Лизки вот так фонтаном вылетают из глотки феерические предложения – лучше спасаться бегством. Но меня словно кто-то на небе лишил остатков разума.

– Звони своей Варькиной, – кивнула я согласно. – Надеюсь у них найдется униформа размера трихуэль.

А что, может выгорит с первого раза вывести на чистую воду Холода. А потом я найду козла бородатого и вырву у него сердце, но только после того, как он удалит проклятое видео, из-за которого надо мной ржет весь офис. Так что, раньше сяду – раньше выйду. Отстреляюсь по заданию и…

Глава 3

Егор Холод

– Это что? – хмыкнул я, рассматривая надувную лохань, по размеру напоминающую бассейн олимпийского резерва, втиснутую в центр убогого номера люкс. В условном джакузи плескались два существа, иначе не назвать. На представительниц прекрасной половины человечества эти киборги были похожи отдаленно. В этом городе все такое – уродское, серое, поганое. И настроение мое в тон чертову празднику жизни – землисто-серое, до оскомины.

– Ты же не думал, что я как раб лампы натрахтибидохаю стационарную купель за пять минут, выдрав из бороды две волосины? – заржал Михуил.

– Я спрашиваю, что в надувном убожестве плавает? – поддернул на бедрах полотенце, рассматривая красоток. – Ты их в Союзмультфильме, что ли, снял? У них рыбы вместо голов, помнишь там как было? «Оставайся мальчик с нами». Я ночами ссался после просмотра сказочки.

Девки встрепенулись и выползли на сушу, предоставив свои ужасающие прелести моему пытливому взору. Ну, справедливости ради жира в чемоданообразных задницах див не было, только силикон. Так же как и в похожих на грелки грудях и губах пельменях. Талию я бы мог обхватить пальцами при желании. Вот только его-то как раз я сейчас не чувствовал, желания этого самого. – Ты решил зарубить мое либидо на корню, а Михуил? Или так блюдешь мою имиджевую девственность? Я просил бабу размера «бегемот в юбке». А это что? Профанация.

– Ну нету таких в приличных салонах. По моему запросу только этих предоставили. Булколюбы ходят по другим норам, – улыбнулся Мишка, – А что, хорошенькие. Выбирай, какая твоя.

– Так ты еще и сам собрался вымазаться в дерьме? – насмешливо приподнял я бровь. – Фу, Миня, я был о тебе более высокого мнения. А как же твоя невеста, ради которой мы вчера нажрались на твоем мальчишнике до синих соплей? Ты, все же, развратник и предатель. Не повезло с тобой Стеллке. Надеюсь с нами в бассейн ты не полезешь? Или решил блюсти меня, как постельничий, помогать там советом и поддержкой.

– Слушай, Холод, я понимаю, у тебя флешбеки из прошлого, и бак свистанул, но моя личная жизнь не повод для шуток, – поморщился Михаил, поманив пальцем одну из гаргалыг. – И я не люблю воду, ты знаешь. Мы уж по старинке.

– А вот фиг тебе, я обеих хочу, так и быть, спасу твою добродетель. Приму на себя напалм страсти, – оскалил я зубы. – Рыбы, говорят все же полезнее промсарделек. А, Михуил? Как считаешь, сдюжу?

– Придурок, – ухмыльнулся верный друг. – Я охрану с двери снимаю. Оставлю только у лифта. Негоже холопам видеть, какие непотребства их барин творит. Через два часа у нас ужин в мэрии. Егор, умоляю, не взбрыкивай. Это важно.

– Кому? – дернул губами я, сдирая с бедер полотенце. Прыгнул в лохань, обдав искусственных кукол миллиардом горячих брызг. Надо отдохнуть. Надо расслабиться. Надо просто забыть где я. Мишка прав, я схожу с ума. Схожу с ума. Девки взвизгнули, как сирены, когда я дернул их на себя.

Я даже не понял, что произошло. Не успел, увлеченный началом разврата.

Двухстворчатая дверь с грохотом распахнулась, половина ее обвалилась на пол, словно под воздействием точечного взрыва. Шлюхи заголосили теперь уже испуганно. Что-то с силой вломилось в чертов надувной бок уродского джакузи, который лопнул с грохотом, равным раз-

рыву лимонки. Меня ослепила вспышка. Вода хлынула из пробоины. Я почувствовал себя персонажем фильма-катастрофы. При чем такой, нефиговой катастрофы, по силе сравнимой с Титаником. А потом пришел страх. Черт, охраны нет. Где Мишка? Меня заказали? Ничего другого от вонючей малой родины я и не ждал.

– Держите эту овцу, мать вашу! – заорал, невесть откуда явившийся помощничек. – Горыч, ты как? Прячь морду, мать твою. Так и знал, что…

– Пусти, – услышал я яростный визг и уставился на шипящее, пинающееся существо, зажатое в лапищах морщащихся от боли бодигардов. Огляделся по сторонам, оценил обстановку. Голые шлюхи, прижались к своему лопнувшему сродственнику. А что, в них силикона-то похоже больше оказалось, чем в несчастном джакузи. Эти дуры хоть не лопнули и то дело. На полу валяется тележка, которой пользуется обслуга. Я осмотрел рассыпавшиеся по полу швабры. На них наверное, это плюющееся чудо и прилетело.

– Ты, – зашипела чертова тварь, прервавшая сое веселье, ты, гад. Ну, конечно.

Я сфокусировал зрение на морде диверсантки и проследил ее взгляд. Ухмыльнулся, поняв куда она смотрит, и при этом пунцовеет своими похожими на наливные яблочки, хомячьими щеками, и пошел к этой дуре расслабленной походкой. Ну да, на мне же нет даже нитки.

– Повезло тебе, детка. Я сегодня в ударе, а Миш? Голый Холод, звучит как песня. Какого хрена ты здесь забыла?

– Не подходи, – пропищала толстуха, наряженная в униформу отеля и выставила вперед махрушку на палке, которой обычно стирают пыль. – Я убираться пришла. Думала нет тут никого. Ну пустите меня, дяденьки.

– Ну как можно отпустить такую прилежную работницу? Лягушонок, ты пришла очень вовремя. Как раз к началу оргии. И костюмчик у тебя для ролевых игр – что надо, – И зачем я ее пугаю эту глупую жируху? Как черт толкает, ей-богу. Надо просто отпустить несчастную косячницу. Просто баба от прилежности своей перестаралась. Или нет? Черт, а ведь я ее где-то видел. Ног де?? Мать твою, да это же…

– Отойди, а то я загоню пипидастр тебе… – вякнула «Промсарделька». Сама пришла.

Миха хрюкнул, и я понял – едва сдерживается, чтобы не заржать, паразит.

– Куда? – прошептал я, подойдя вплотную к пахнущей, почему-то, яблоками курочке. Согнулся в три погибели, чтобы она услышала. – Куда загонишь? Э нет, лягушонок. Тут у нас вход рубль, а вот выход… Зачем явилась?

Девка всхлипнула, сделала шаг назад. Подскользнулась и… Я взвыл, когда чертова пылевытиралка врезалась мне в пах. Мир взорвался миллионами радужных искр. Толстуха свалилась в огромную лужу и скуля, поползла к выходу. Ну, мать ее за ногу и денек.

– Обыскать, – прорыдал я, вертясь на месте, словно огромный бородатый, голый волчок. – Эта овца не просто так тут. Остальные все – вон. Вон, мать вашу. И мне, Мишка, пузырь со льдом. Быстро. Девку закрыть в кабинете, пока в себя не приду. Я сам ее допрошу.

Когда смогу. Если вообще смогу.

Зинаида

Зеркала беспощадны. Я уставилась на себя в волшебное стекло, борясь сразу с несколькими желаниями: зарыдать в голос, убиться с разбегу об стену и сожрать плюшку, ну такую, сахаром присыпанную и чтоб много-много масла.

С серебряной глади псише, стоящего в темном углу, похожей на пенал, отельной раздевалки на меня смотрело нечто из фильма ужасов про зеркала. Только там это самое нечто было тощим до безобразия. А в моей версии, оно пылало жизнью и жизнерадостной полнотой не свойственной бабайкам.

– Тебе очень идет, – хмыкнула поганка Варькина, с аппетитом пожирающая яблоко. – Просто Мата с харей. Только вот на уборщицу ты не тянешь. Этой самой, харей, не вышла. Ну и не инженю пи-пи уже, все-таки ты, Зинка.

– Чивой-та? – обиженно хрюкнула я, одергивая кургузую куртейку от униформенной пижамки. Резинка от тесных штанов впилась мне в талию, и теперь я чувствовала себя, как проглоченная по пояс акулой пловчиха.

– Да у тебя на лбу написано – я закончила литературный институт имени Ломоносова, – захлебнулась соком администраторша. Кто ей только доверил серьезную работу?

– Горького, до Ломоносова я не доросла, – попыталась выдохнуть я. – Слушай, а размера побольше нет дерюжки. Я в этой что-то не могу шевелиться и дышу с трудом.

– Тут тебе не ЦУМ, – отрезала Варькина, придирчиво оглядывая мою, похожую на перетянутую шпагатом колбасу, персону. – Передничек дам, чтобы прикрыть валики. И все… – уже рявкнула она, предвосхищая мои возражения. – Надо же, за сто евро хотят прямо незнай чего.

– Ты не ври, давай, – пропыхтела я, завязывая передничек на талии. – Лизка ни за что бы такие деньги за обноски не дала. Она жадная до одури.

– А я могу работу потерять, – начала торговаться наша с Лизуней детская приятельница, – еще и мало сотки. Надо еще за вредность докинуть.

– Тысяча рублей. А вредность у тебя врожденная, за нее ты нам еще должна, помнишь? – чувствуя себя торговкой на рынке города Херсон, я прошла к тележке, заваленной препаратами для уборки помещений и швабрами. Сомнения в способности дышать, двигаться и существовать в униформе с чужого плеча только окрепли. Ну ничего, я быстро же. Положила в ведро фотоаппарат, диктофон сунула за пазуху, проверила пришпиленную к кармашку видеокамеру. Проверила все орудия своего производства, осталась довольна.

– Куда идти?

– К лифту. Красавчик весь бельэтаж занял. Из лифта выползешь и шуруй вперед, не промажешь.

– А он точно уехал? – предчувствие ядовитыми щупальцами заползло в душу.

– Век свободы не видать. Вон, на камерах видно – охраны нету у дверей. Фиг бы он отпустил амбалов, если бы сидел в номерах, – с видом знатока Варькина достала из кармана сушку и захрустела ею как китайская девушка черепаховым панцирем.

– Ты видела, как объект уходил? – все еще не веря в удачу и в гений Катьки, подменяющей свою тетку на месте администратора отеля, подозрительно спросила я.

– Не. Я сменилась полчаса назад, – хлопнула ресничками поганка. – Да не бзди, раз у дверей нету охраны – верняк.

– Может другие камеры посмотришь? Ну мало ли, может между этажами залегли бойцы, или в туалет отошли.

– Ага, всей толпой пошли отлить. Иди, не делай мне мозг, – рявкнула Варькина. И я пошла, как овца на заклание. Чертовы штанишки трещали по швам, когда я наконец затолкала тележку в служебный подъемник и ввалилась в него сама, дыша, как чахоточный кит.

Я идиотка. Почему? Да потому что только не обремененная умом журналистка доверится полудурочной Варькиной, от которой в детстве страдал весь двор, где нам «посчастливилось» расти. И я ведь знала, что она из себя представляет, но все равно сунула голову в слюнявую пасть идиотизма. Надо было бежать в тот самый миг, когда я услышала радостный визг несущийся из-за закрытой двери. Положа руку на сердце я бы так и сделала, потому что…

Но злой рок, повисший надо мной в тот самый момент, когда я огласила победным ревом мир в который явилась двадцать пять лет назад, именно сегодня решил упасть на мою дурную башку. Любопытство, как известно сгубило кошку.

«Только одним глазком. Вдруг там просто телевизор выключить забыли. Ну не могут же люди так радостно верещать?» – выдал гениальную идею мой малоизвилистый мозг и дал сигнал рукам и ногам.

Я толкнула вперед тележку, которая уперлась колесом в невысокий порожек. Пришлось приложить усилие, чтобы перекатить колымагу. Напыжившись, как рыба фугу, еще раз надавила на ручку, и пропустила момент, когда резинка на штанишках с треском лопнула. Чертовы брючата съехали с талии на бедра. Я сделала шаг, запуталась в штанине и упала на чертову коляску в мгновение ока превратившуюся в адскую колесницу.

«Это ты называешь одним глазком?» – подумала я, тараня неконтролируемой колымагой шикарную резную дверь. Черт. Варькину теперь точно уволят.

Он был в номере. Мой объект радостно щипал за задницы таких красоток, что будь я мужиком – пустила бы слюни. Широкая спина, совсем непохожего на борова, мужика казалась изваянной из камня.

Я влетела в номер как всадник апокалипсиса, несущий чуму и разрушения. Закогтившись в телегу с выпученными глазами и откляченным задом выглядела скорее всего восхитительно и куртуазно. Но оценить диспозицию все же смогла ибо позиция для обзора была выгодной Еще до того, как врезалась в бок надувного джакузи, от которого самортизировала и отлетела к противоположной стене, зажав в лапах метлу поняла, что материал будет бомбический: слуга народа с голыми женщинами в бассейне. Это ли не квинтэссенция успеха для папарацци? Господи, хоть бы камера сработала. Альфредыча хватит инфаркт на радостях.

– Взять ее, – раздался над моей головой, в которой все еще мелькали вспышки безумия, голос. И мне показалось, что на нее опускается гильотина. Чья-то сильная рука легко подняла меня за шкирку, я наконец сфокусировала взгляд и едва сдержала рвущийся из горла вопль.

– Не подходи, – взмолилась, глядя на надвигающуюся на меня гору мускул. Голую, наглую и абсолютно разъяренную. Выставила вперед идиотскую швабру, которая оказалась совсем не метлой, а какой-то пушистенькой ерундовиной.

– Какого хрена тебе тут надо? – пророкотал бас, похожий на грозу в горном ущелье. – Кто меня заказал?

Это был он. Тот бородатый буйвол из спортзала. Он – опозоривший меня гризли, только абсолютно голый и злой. И в глазах этого черта сверкали молнии. Только я в глаза ему не могла смотреть, потому что… Захотелось потерять сознание, или вообще отдуплиться в руках охранников Егора Холода.

– Никто, я пришла чтобы вы удалили позорное видео, которое выложили в сеть, – просипела, как проколотый шарик, и выставила вперед пушистую штуку. – Стой. Или я за себя не ручаюсь. Моя мама говорит, что я с помощью кисточки для рисования способна скопытить стадо африканских бизонов, представляешь, что я сделаю этой штукой, – зафонтанировала я идиотизмом, лихорадочно придумывая пути отхода.

– Храбрый маленький лягушонок, – оскалил клыки, с которых, как мне показалось, капала кровь несчастных толстух-девственниц, Холод, подойдя ко мне вплотную. Я зажмурилась и ткнула наугад своим идиотским оружием. Рев, который издал миллиардер, показался мне предвестником конца света, рагнарека, эсхатона. На землю опустился Фимбульвинтер, и Кетцалькоатль погасил солнце. Мой финт достиг цели, значит будут бить. Возможно даже ногами. Что же делать? Надеюсь, Варькина забьет тревогу, когда я не вернусь из этого боя. Но надеяться на это, все равно, что мечтать о джинне из бутылки – глупо и бесперспективно. Память у Катьки, как у рыбки. Она уж и забыла, что ее детская подружка шляется по отелю, как тень отца Гамлета.

– В кабинет ее, – прорычал чертов гризли.

– Не имеете права, у нас свободное государство, вы попираете права данные мне конституцией, – вякнула я.

– Я сейчас попру твои права, так, что ты сидеть не сможешь на своей толстой заднице, – прорычал Холод, подойдя ко мне так близко, что я чуть устояла на подкашивающихся ногах. – Как ты тут оказалась?

– Работаю тут. На хлебушек зарабатываю, – черт, как же я идиотски звучу.

– Врешь. Ты не похожа на горничную от слова совсем. Но и киллер из тебя так себе. Кто ты такая? Признаешься сама? Или мне выбить из тебя твою принадлежность. Поверь, пытки самая сильная моя сторона. Сначала, я сниму с тебя штаны, потом…

– Я боюсь, – пискнула, теребя руками передник, и стараясь смотреть на потолок. Но взгляд так и норовил сползти гораздо ниже.

– Правильно делаешь, – его дыхание обожгло мою щеку. И хорошо, что нукеры Холода держали меня за химок. Сейчас я даже радовалась этому факту. – Я узнаю все равно чей заказ был опорочить меня, сдеру с тебя шкурку и сожгу в камине. Но сначала…

– Ты первый начал, – обнаглела я, – «Промсарделька на метле» твоих рук дело?

– И как по твоему я бы мог этот пасквиль снять одним глазом. Это ты на меня свалилась? – удивился гризли, дернув себя за бороду.

– Дружок твой снял, так что извиняй, один один.

– Если считать твои косяки, то пока ты ведешь в счете, – заржал Холод, – и бога ради, прекрати теребить этот фартук, ты будишь во мне темные глубины.

– А ты, ты, ты.

– В кабинет ее, я немного приведу себя в порядок и решу, что делать с этой диверсанткой, – хмыкнул чертов миллиардер. А я в это время пыталась собраться и вспомнить, сколько этажей в гостинице с чудесным названием «Аленький цветочек» – И пипидастр у нее отберите. А то она положит вас как щенков. Это же не баба, а оружие массового поражения.

Глава 4

Егор Холод

– Где она? – орал я, мечась по кабинету и заглядывая во все шкафы, даже зачем-то выдвинул ящик у письменного стола. Будто могла там спрятаться Промсарделька, в этом маленьком отсеке для бумаг. – Где чертова баба? Только не говори, что она вылетела в трубу на чертовой метелке.

– На пипидастре, – задумчиво поправил меня Мишка, тоже осматриваясь по сторонам. Помощничек-то тоже озадачен, судя по выражению непонимания на зверской физиономии.

– Меня очень поражают твои познания в принадлежности и названиях инвентаря поломоек, – ехидно хмыкнул я, дернув себя за бороду. Подбородок горел, словно облитый кислотой.

– Горыч. Ну я правда не знаю, куда делась эта заводная обезьяна, – развел руками Мишка, глядя, как я по пояс высунувшись из окна, оглядываю окрестности. – Пятый этаж, Холод. Ты же не думаешь…

– Я думаю, что от этой бешеной колбасы можно ждать чего угодно, – хмыкнул, подцепляя пальцами валяющуюся рядом с подоконником розовую пудреницу. Дешевка, пластмассовый корпус украшенный иероглифами. В моей жизни нет места таким вещицам. Поддел пальцами защелку на футляре, которая оказалась страшно тугой и не поддалась. – Могу поклясться, что вчера этой вещицы тут не было. И вот скажи, Михуил, эта мымра мажет морду вот этим вот, а похожа на утреннюю розу, а я прохожу детоксы всякие, питаюсь по программе, не жру сахар, а морда вся в прыщах и чешется. Где справедливость? Как открыть эту розовую гадость?

– Она цикламеновая, – как-то неуверенно посмотрел на пыхтящего меня мой верный оруженосец.

– Прэлэстно, Михаил, ты просто жжешь, – хрюкнул я, наконец справившись с уродской застежкой. Мишка вдруг замер и заорал, – не открывай, я знаю, что это. Дымовая…

Но было поздно. Я с треском сломал маленькую безделушку. Комнату заволокло розовым, простите цикламеновым, дымом воняющим жженой резиной, во рту поселился привкус химической клубники, а глаза полезли из орбит. По памяти метнулся к окну, запнулся об ножку проклятого кресла и растянулся во весь рост на затоптанном казенном ковре, пропахав бородой добрых полметра. Мишка, потерянный в ведьминском тумане, странно молчал и от этого было страшно. Я не институтка, но сейчас чувствовал, что проваливаюсь в паническую атаку. Через минуту дышать стало легче, зато физиономию обожгло болью, казалось, что с меня сняли скальп, освежевали и обглодали череп.

– Живой? – в голосе Мишки я услышал неприкрытый страх. Он подхватил меня под мышки и поволок в сторону уже открытого окна. – Слушай, Горыч, может уедем отсюда? Прямо сегодня. Ты был прав, не нужно было ехать в этот город. Слышал, что эта толстая сказала? Стадо бизонов африканских скопытит. Мы с тобой даже на быков колхозных с трудом тянем. Если уж толстая баба нас ухайдакала на раз дымовой шашкой из магазина «Все для вечеринок». Представляешь, что будет, если она выйдет на тропу войны?

– Найти, далеко она не ушла. Крышу проверьте, – с трудом совладав с горлом, словно присыпанным песком со вкусом противной клубники, рявкнул я. – Я сдеру с нее шкуру. Сожру сардельку с потрохами. Быки – опасные животные.

– Да, крышу-то тебе проверить не мешает, и мне тоже. А жрать сардельку разбитыми губами тот еще аттракцион, – вздохнул Мишка. – Эта дамочка за два дне сделала из тебя инвалида красоты и секса. Как ты выступать будешь завтра, ума не приложу. Вся морда – в мясо.

Очками такую красотищу не прикроешь. Фингал еще не прошел, красивый такой стал, зеленый. Очень сочетается с колером «сырое мясо». Придется искать гримера.

– Сначала найди гадину. Не могла же она испариться? Притащи мне ее, я хочу…

– Я уже начинаю сомневаться, что мы ее вообще найдем, – голос друга сейчас мне совершенно не понравился. – Ребята обнаружили в тележке диктофон и профессиональную фотокамеру. Думаю, что она была еще чем-то оснащена. И если я прав, то мы попали. Девка профи, Холод. Как бы не подавиться нам, и зубы не поломать. Черт, ну что за непруха? Думаю завтра наши физиономии будут в прессе, и боюсь не только физиономии. Ты зачем голый-то шлялся перед этой сукой?

– Думаешь в фитнес-центре нас пасли?

– Думаю, что с момента нашего приезда в город пасли. На видео не видно было, кого эта ведьма завалила в «Чугунной дюймовочке», не просто так она появилась.

– Тогда, что она там бурлила, что это мы выкинули в сеть ролик? Или это она так скакала на беговой дорожке, чтобы нашу бдительность усыпить. Не пори чушь, скорее всего девка просто слепая корова. И кто-то дергает ее за ниточки. Кто-то очень хитрый и умный, – ухмыльнулся я. – Чего стоишь, Миша? Цигель-цигель. Эта коза где-то рядом, я чувствую, за километр воняет сарделятиной. Прочешите гостиницу. Пока не найдем ее, ничего не узнаем. Я выбью из нее все тайны, уж поверь.

– Или она из нас выбьет остатки разума и здоровья.

Мишка унесся, подняв столб пыли с плохо пропылесосенного ковра. Я подошел к окну и еще раз осмотрелся. Пожарной лестницы рядом нет, только ливневая труба. Но ведь мымра не человек-паук, до нее полметра, не меньше. Да ну на фиг, не может быть, чтобы толстые бабы ползали по стенам. Так не бывает.

Лицо болело немилосердно. Накинул на плечи халат и вышел из кабинета. Расслабился, мать твою.

Зинаида

Я висела на трубе на уровне пятого этажа, обхватив ее ногами и руками, и пыталась вспомнить, как на ней оказалась. Вся затекла, замерзла. В зад нещадно поддувало, а в глазах начали скапливаться горючие слезы. Даже представить не могла, что делать дальше. Ползти вверх мне не позволяла физическая подготовка, вниз – мешали торчащие из стены крючья, к которым был приварен адский отлив. В общем положение было патовым.

– Псс, Пссс, – раздалось сверху. На крыше что-то завозилось, и активно начало переругиваться на два голоса. Мне аж интересно стало, что там за птицы такие. Судя по звукам словесная перепалка переросла в потасовку, а это могло означать только одно – начало бури в пустыне. Черт, лучше бы уж Холод откусил мне голову, как тираннозавр Рекс, чем…

– Наверх посмотри, дубина, – Лизкиным голосом позвали сверху. Ну все, капец гостинице. Конгломерат Лизка – Варькина не оставляет после себя пленных. Только выжженную пустыню и обугленные трупы. Страшный по своей непредсказуемости коктейль слабоумия и отваги, выкашивает все живое на своем пути.

– Ты зачем ее позвала? – прохрипела я, зыркнув на высунувшуюся через край крыши физиономию Катьки. Труба протяжно застонала и предательски дрогнула, вместе со всеми внутренностями моего измученного мильярдерами, организма.

– Потому что тебя заластали, я подслушала, – пробухтела Варькина, чем-то грохоча. – Думаешь сама бы я доперла эту чертову лебедку на крышу? Между прочим, то, как ты ползла по стене было феерично. Я даже засомневалась, что тебе помощь нужна. Народ у гостиницы был в восторге. Только рогопилы эти не чухнулись. Дураки они, ага, не знают с кем связались. Ты ведь, Зинка, холера. Тебя так даже бабки у подъезда звали.

– Кто? – от удивления я аж перестала бояться ахнуться об землю. Хотя, это даже не так и страшно. Гораздо лучше, чем пережить спасение от двух пыхтящих над моей головой подружек.

– Ну мульярдер этот твой, и его санчапанса, – хихикнула конопатая гангрена.

– Почему рогопилы-то? – устав спорить, спросила я.

– Потому что. Не приставай, завели шарманку. Сейчас услышат эти несчастные, придется ломая каблуки валить, – рявкнула Лизка, так, что с соседнего дома вспорхнула стайка голубей.

– Я цепляю, ты тянешь, – распорядилась Катька, чем-то захрустев.

– Чего это? Я цепляю ты тянешь, – вызверилась Лизка.

– Фигушки, это я между прочим с кухни крюк для разделки мяса сперла, – Опять послышались возня и пыхтение, скорее всего спасательницы снова сцепились в скресном захвате. Я закатила глаза. Руки и ноги давно уже онемели, да и вообще, на меня напала странная апатия.

– Ладно, ладно. Ты тянешь, я цепляю, – хмыкнула хитрая ухогорлоносиха. Я ухмыльнулась. Лизка с детства могла нас с Варькиной обвести вокруг пальца. И сейчас кинула подругу, на раз.

– Так бы и сразу, – победно произнесла Катька, еще не осознав степени коварства заклятой приятельницы. Что-то заскрипело и меня по голове больно ударило металлическим мясницким крюком.

– Цепляй, цепляй, – завывала сверху гангрена Катька.

– Сейчас. Она блин круглая, зацепиться нечем, – бухтела Лизка. Крюк в сотый раз бил меня по бедовой башке. Господи, пусть придут рогопилы и спасут меня.

– Щас, Зинка. Не вешать нос, гардемарины, – дурниной заголосила Варькина. Я ее убью. Как только спасусь с трубы, так сразу.

– Отцепись ты блин, мы тебя вытянем, – прогудела над головой Лизон. Боже, спаси меня. Только сейчас я почувствовала, что крюк наконец-то удобно впился в воротник моей курточки. Но, что-то мне подсказывало, что ткань слишком тонка. И я не спешила разжимать рук и ног. Да это было практически невозможно. Они затекли, приняв форму чертовой ливневки.

– На коалу похожа. – восторженно протянула Катька и дернула меня вверх. От неожиданности я растопырилась во все стороны и пошла на взлет. Ну, как пошла. Раскинув прекрасные крылья я летела в окно, и встреча наша была неминуема. А за стеклом натягивал на себя трусы гризли, и если бы он случайно сейчас глянул на улицу, то наверное сошел бы с ума.

– Давай, – гавкнула Лизка. Я взмыла вверх, завывая как чайка в брачный период. Резинка на штанах, лопнувшая во время моего нападения на Холода, повела себя совсем уж предательски. Брючата красиво спланировали на крюк ливневой трубы и повисли знаменем поверженного полка рогопилов.

– Ну вот, а ты Лизка, сомневалась, что тросик выдержит, – склонилась над моим распластанным на бетоне телом Катька, – я этой лебедкой такие сумки с харчами таскаю – закачаешься. Один раз даже свиной окорок спер… Ну, то есть это… – заюлила она.

– Уб-уб-уб, – помертвевшими губами полурыдая, полуикая выдавила я из себя.

– Видишь, радуется. А я тебе говорила, Лизка, что ей понравится. А ты – убьет, убьет. Я бы тоже так полетала. После с тобой споем, Лизавета, там шухер уже начался, судя по звукам, – показала вороватая администраторша отеля на рацию, зажатую в цепкой лапке. – Валить надо. Они ж первым делом на крышу полезут.

– Да не пролезет она в шахту, – прошипела Лизка. Но я была не в состоянии сейчас адекватно воспринимать реальность, потому глупо пропустила последний месседж. А зря. Очень зря.

– Пфф, тюки с бельем проходят. Я там шкерю все, что…

– Ворюга, – ласково погладила по голове Варькину Лизка. – Как тебе еще руку не отрубили по шею?

– Шеф, там пусто вроде, – раздался со стороны чердака голос, который мне очень не понравился. Я вскочила на ноги, забыв умирать и заметалась глазами по крыше. Что он там мне обещал? Снять с меня штаны. Ему даже утруждаться не придется, с тех пор, как я имела честь узнать Холода, беготня в трусах по пересеченной местности стала одним из моих хобби.

– Там они, я чувствую. Эта овца далеко не могла уйти. Оцепите чертов отель.

– За мной, – приказала Катька и юркой ящеркой метнулась к дырке в углу крыши, размером с почтовую марку, бросив что-то под ноги.

– Что это было? – поинтересовалась Лизка.

– Сюрприз для рогопила, – хмыкнула гангрена.

Никогда, слышите, никогда не бегайте за белым кроликом и уж тем более не лезьте в непроверенные узкие норы. Вы не попадете в чудесное зазеркалье, и Нарния вам не светит.

Лизка и Катька легко скользнули в воняющую пылью «пасть» подъемника для белья.

– Вон, это ее задница, – услышала я голос, от которого у меня замерло сердце, сбилось дыхание, а в той части тела, что застряла снаружи портала в ад, поселился страх и предчувствие… Дурное в общем предчувствие. Отчаянно заработав руками, я провалилась в дыру, упала на что-то мягкое, всхлипнувшее голосом Лизон.

– Ну, девки, поехали, – адски захохотала Варькина. Что-то в механизме, громко ухнув, оборвалось и мы полетели вниз.

– Спокойно, бабы, все уедем, – в голосе ненормальной ведьмы звучали нотки торжества и безумия. Но мне уже было не страшно. – Тут всего пятый этаж, прыгаем и отползаем. Зинка, ты слышишь, уходишь по вентиляции, строго на север. Там люк. Выползешь возле помойки и ноги. Слышишь меня, Томкрузиха? Пошла.

Я сорвалась с места на четвереньках в бодрый галоп. Это стало уже неприятной традицией. Но зато у меня есть видео, которое меня или вознесет или уничтожит.

Выползла я не возле помойки, а в помойку. Точнее выпала в мусорный бак, не успев сгруппироваться, и только тогда подумала, как я попрусь по городу в трусах.

– Опа, – раздался замогильный голос, от которого у меня парализовало голосовые связки. Огромная куча мусора зашевелилась, и я испугалась, что и трусов лишусь от ужаса. – Девку хорошую выкинули еще, почти не юзаную.

– Ты кто? – просипела я, рассматривая восставшего из ада.

– Меня зовут Апполинарий Рюрикович, – куртуазно склонившись представился бородатый, похожий на Нафаню из мультика бомж, которого я сначала приняла за монстра. – Можно просто Полик или Рюрик.

– Выведи меня отсюда. Заплачу, – взяла наконец себя в руки. Голова начала соображать холодно и расчетливо.

– Эт можно, – хмыкнул Нафаня. – Сотка еврей, плюс помывка и пожрать.

– Это дело становится слишком затратным, – пробурчала я под нос.

– Ну, дело твое. Судя по звукам и по парням, похожим на отряд смерти, шныряющим вокруг, кольцо сжимается. Так что…

– Я согласна, – протянула руку, чтобы скрепить сделку. Разум все же победил жадность.

Глава 5

Егор Холод

Пакет со льдом на моем затылке потек, и противные струйки воды заползли под воротник халата. Нога, перевязанная бинтом, ныла и чесалась. Кофе в чашке остыл и я глотал жижу, похожую на грязь, не замечая ее вкуса.

– Ты как? – спросил Мишка, в очередной раз заглядывая мне в глаза в поисках симптомов сотрясения мозга.

– Каком об косяк, – прорычал я, борясь с желанием грохнуть об пол проклятую посудину в псевдо-итальянском стиле. Чертова безвкусица будила черную глухую ярость. В этом городе все такое – убогое. Все, включая толстых баб, испаряющихся, как туман в пустыне. – Я за что плачу этим упырям? За безопасность. Так почему я валяюсь на крыше, с вывихом лодыжки, содранной до позвоночника спиной и разбитой башкой, и не чувствую себя защищенным ни с какой стороны? И как думаешь, чертову бомбочку из магазина приколов, оснащенную сопливым лизуном на котором я подскользнулся, мать твою, птицы принесли? Этот город не выпустит меня. Он питается моими страхами, я тебе точно говорю. Перекрутит в фарш и выплюнет. А я говорил, не надо сюда ехать. Это черная дыра, способная высосать душу.

– Парни искали бабу, ты сам приказал, – неуверенно промычал дружище, подавая мне новый ледяной компресс.

– И? – приподнял я бровь.

– Как сквозь землю провалилась. Впору песок и пыль просеивай, – зло плюнув ядом, засуетился Мишка. – Вообще с территории отеля никто не выходил кроме двух бомжар.

– И? – задал очередной вопрос я.

– До них дотронуться страшно было, – хмыкнул помощничек. – Как черти воняли.

– А жопа чья торчала из дырки в крыше?

– Администраторши. Эта лошадь говорит, что курить туда ходит. Врет, табаком от нее не пахнет, а вот глазки бегают. Баба просто ворует, а в шахте подъемника у нее нычка. Парни проверили. Как сорочье гнездо у нее, тащит все, что не приколочено. Горыч, ну не знаю я куда делась журналюшка. Может на метле своей улетела, с нее станется. Штаны-то Лягушонкины до сих пор реют на стене «Рейхстага», как напоминание о том, что я лошара.

На пипидастре. Я представил Промсардельку в трусах, растрепанную, оседлавшую черенок махрушки для пыли и застонал. Проклятая ведьма, как вредная колбасина, которой я мечтал нажраться в детстве, вызывает у меня странное слюноотделение и это слегка озадачивает. Я же давно не голоден.

– Упс, – в голосе Михуила появились нотки доселе мною не слышанные. Интересно, что его так восхитило? – Холод, тут это… Вот… Надо же, как люди быстро реагируют.

Передо мной появился экран планшета, с которым мой пытливый друг не расстается ни на минуту.

– Денег всем хочется, Миша. Люди гибнут за металл, – хохотнул я, наслаждаясь новым видео и уже сомневаясь, что смогу выйти из этой мясорубки победителем, судя по кадрам, снятым каким-то любителем супергеройского кино. Думаю этот фильм имел бы успех даже в Голливуде. Рабочее название «Супертолстуха». Девка ползла по стене, как демон из преисподней, как одержимая из фильмов ужасов, активно работая конечностями.

– Ты же связался со спортклубом? – спросил я задумчиво. – У них должны быть реквизиты бабы. Хотя бы банковские.

– Еще вчера, – криво усмехнулся Мишка, – зеро. Ноль. Известно только, что зовут ее Зина, что живет она с мамой и кошкой. Бабы болтливы. Оплата производилась наличкой, а в связи с защитой личных данный, нынче их не предоставляют в коммерческих учреждениях, коим собственно «Чугунная дюймовочка» и является. Я пробил Промсардельку по фото – тоже голяк. Баба – агент 007 в юбке.

В трусах она агент, с чертовой кошачьей мордой на фронтоне и бедрами похожими на Джомолунгмы. И сейчас эти бедра, скорее всего, тащат компромат на меня своему боссу. Что ж. Я тоже люблю играть.

– Миша, завтра мы точно узнаем, где искать поганку. Такой материал, который у нашей цыпочки – это же бомба. И тянуть с публикацией моего позорища не станут, я думаю. День, два от силы. Я как раз приду в себя после встречи с летучей Промсарделькой. Наберусь сил, а потом уничтожу тварь.

– Горыч, репутация… – завелся Мишка.

– Я так долго был непогрешимым, что мне кажется уже пора ее слегка испортить, – ухмыльнулся, откинув от себя компресс. – И купи мне грелку. Эти чертовы пакеты текут.

– Господи, Холод, у нас земля под ногами горит, а ты про грелки думаешь, – простонал помощник, – может клизму еще прихватить, чтобы два раза не бегать?

– Ага, скипидарную. Прихвати, воткну ее начальнику охраны. – И машину подай. Я хочу расслабиться.

– Сейчас не стоит, – предупредительно выставил вперед руку мой заботливый друг. – Горыч, ну почему ты вечно лезешь на рожон? Нам осталось всего три встречи. Через два дня мы уедем отсюда и больше никогда…

– Ты не понял? Я хочу расслабиться, – прорычал я. Мне категорически нужна была смена обстановки, иначе я бы сошел с ума и порешил всех вокруг. С детства ненавижу, когда мною манипулируют. Эта чертова Лягушонка бросила мне вызов, а я не смог противостоять. Кому? Толстой бабе, у которой в мозгу две извилины и те прямые. Я – Егор Холод обделался как щенок. Такое не прощают. Точно, сейчас мне нужна грохочущая музыка, неоновый свет и куча извивающихся в этом свете тел. Отвлечься, перед ответным ударом. – Ночной клуб подойдет.

Зинаида

– Мы идем в «ночник», – радостно рявкнула Лизка, бросив на мой стол три флайера. – Нужно отметить твое чудесное спасение. Да Варькина в стрессе. А в стрессе она даже страшнее, чем в радости. Помнишь же, что стало с ЛЭП тогда? Ну, в детстве?

Я вздрогнула. Столько лет пыталась забыть. Зато теперь у меня есть компромат на обидчика и я на коне.

– Ты видела, кстати? Ты снова звезда. Вот.

Я уставилась на экран телефона и чуть не зарыдала увидев название видео «Промсардель-ка-паук». Ужасное чудовище ползло по стене, виляя задом, как падшая женщина. Зрелище было душераздирающим.

– Смотри, сколько лайков и комментариев, – радостно хрюкнула Ухогорлоносиха.

– Этот гад заплатит за каждую минуту моего позора, – рявкнула я. – А сегодня надо расслабиться. Ты права.

– В восемь вечера встречаемся возле «Бешеной псины». – радостно гаркнула Лизка и подняв столб пыли унеслась в закат.

Интересно, кому в голову пришло прелестное название? Надо же. Я поднялась с неудобного стула и поняла, что у меня болит все тело. Альфредыч сегодня свалил с работы очень рано, поэтому триумфом насладиться мне не удалось. Ну ничего, тем слаще будет утром купаться в лучах славы. Я кровожадно улыбнулась, нащупав в кармане флешку, глянула на часы и засо-

биралась домой. К выходу в свет нужно подготовиться досконально. Я кстати, очень давно не отрывалась. С тех самых пор, как Варькиной запретили судом приближаться к нашему любимому ресторану «Три сосны» ближе чем на полкилометра.

До дома я добралась быстро. Вошла в темную прихожую, услышала как очередной «Хуан Карлос» в телевизоре яростно клянется в вечной любви Кончите, а она блеет что-то невразумительное. Попыталась проскользнуть незамеченной в свою комнату, но наступила на хвост вертящейся под ногами Чуче. Кошка предательски взвыла, как пароходная сирена и в предбаннике тут же возникла маман. Я в очередной раз поразилась, как мы с ней не похожи. Родительница похожа на веточку, и спина у нее прямая. И в потемках даже не поймешь, что это она моя мать, а не я ее.

– Ты становишься очень известной личностью, – фыркнула родительница. Черт, она тоже видела мой позор. – Мне подруги звонят. Сочувствуют. Знаешь, Зинаида…

– Мам, потом меня втопчешь в грязюку. Мне некогда, – прервала я поток словоблудия и позорно сдала все явки и пароли, лишь бы отвлечь неуемную натуру родительницы. – Мы с девочками идем в ночной клуб.

– Боже, ты меня услышал, – взвыла маман, – а там будут мальчики?

– Ага, кровавые в глазах, – буркнула я, представив в каком восторге была бы мамуля, увидев извивающихся в свете софитов, ряженых мальчиков, глядящих на мир безумными взглядами. Хмыкнула, расправив плечи прошла в свою спальню и захлопнула дверь перед любопытным носом матушки.

– «Утяжки» надень обязательно, – восторженно прорыдала из-за двери родительница, словно я институтка, отправляющаяся на мой первый бал в дворянском собрании. – И корсет, чтобы декольте выглядело аппетитнее. Вы в какой клуб идете?

– В «Пьяную кошку» – на голубом глазу, соврала я, пуская по ложному следу соглядатая. Даже не сомневаюсь – через час мать будет в ночном клубе с очередным дурацким названием. Она вооружится прибором ночного видения, биноклем и прочим арсеналом умелого фискала. И что-то мне подсказывает, что вышибут ее из заведения с позором.

– Вот, – уже провожая меня возле двери, что-то сунула мне в карман мама. Деньги наверное.

– Да не надо было, – стыдливо заметила я, пожалев о крамольных мыслях в ее сторону и о своей лжи. Бедная мама.

– Ты, главное, ни в чем себе не отказывая. Я там на все случаи жизни положила. С богом.

Я вывалилась в ледяные сумерки, поежилась и хотела вернуться, решив, что лучше бы завалиться в кровать с интересной книгой, вазочкой с конфетами и жирным какао. Только вот мать меня не пустит, это уж точно. Еще и пенделя даст для ускорения. Остановила бомбилу, обвалилась на заднее сиденье и уставилась в окно, на проплывающие за стеклом, покрытым ажурными дождевыми струйками, здания.

– Прибыли мадам, – наконец оповестил меня водитель. Я расплатилась с дядькой, чуть на загнувшись от названой им суммы, в корчах. Предчувствие, грызущее душу всю дорогу, вдруг загудело предупреждающе-красными вспышками в моем измученном мозгу.

– Черт тебя дери, Зинка, – голос Варькиной развеял морок. Я уставилась на разодетую в пух и прах подругу, похожую на женщину с низкой социальной ответственностью и застонала. Чулки на коротких ногах подруги собрались гармошкой, а юбочка, похожая на носовой платок, подколотая булавкой на пояске, норовила свалиться к лаковым ботфортам. Господи, нам точно дадут под зад пенделя, еще на этапе прохода в клуб. Фейс-контроль мы не пройдем. Рядом маячило еще более странное нечто, затянутое в розовый латексный костюм, сразу переходящий в остроносые боты на каблуке и в пушистую маску топорщащуюся длинными ушами.

– Господи, ты снова оделась как монахиня, – прогнусил розовый заяц.

– Лизка, – прохрипела я, борясь с апоплексией чувства прекрасного, вызванной экзистенциальной парадигмой. А если по-русски, то с тошнотой и мигренью, свалившей меня созерцанием красотищи. Фейс контроль мы точно не пройдем.

– Конечно, Лизка. И Катька еще тут, – помахала распятой пятерней перед моим обалдевшим лицом, Варькина. – Мы твои подруги, помнишь? Или нос задрала, став известной? Пойдем уже, болезная. А то все веселье пропустим. Сегодня тематическая вечеринка.

– Вы не предупреждали, что сегодня будет бал-маскарад, – жалко икнула я, – я бы тоже костюмчик надела.

– Какой? Как в прошлый раз? Все пришли красивые, а ты в костюме тюленя, – загоготала Варькина и схватив меня за руку потащила ко входу в гнездо порока, разукрашенного под портал в ад. – Кроме того, сегодня нет никакого маскарада, не выдумывай. Скоромный день сегодня. Просто вечеринка в стиле диско. И улыбайся, блин. С такой мордой нас точно развернут.

– Что у тебя там? – подозрительно прищурилась я, глядя как подружейка ежесекундно поддергивает кофточку в районе подмышки. Нехорошее предчувствие усилилось ощущением того, что нам сегодня наваляют. «Три сосны» до сих пор не оправились после того, как Варькина отметила там прошлый свой стресс. А там заведение было основательное, не сравнить с этим хлипким клубиком.

Все мои подозрения выветрились в тот момент, когда подошла наша очередь на фейс-контроль. Я уставилась на охранника, очень надеясь, что он слепой.

– Эту бы я не пропустил, – кивнул этот паразит в мою сторону, обалкав взглядом фигуры моих подруг. Жаль, что он не видит физиономию Лизки скрытую маской, злорадно подумала я и пропищала. – Это дискриминация.

– Пропусти ее, – хмыкнул второй, – ты чего, не узнал девку? Это же…

– Промсарделька, точно. Оооо, – простонал мордоворот. Я заскулила и проскользнула мимо идиота, пока он не очнулся и не стал клянчить автограф. Этого бы я не перенесла.

– Народ знает своих героев, – издевательски заржала Лизка. – Героев, каких он заслужил.

Ответить гангрене не успела. На меня обрушился грохот, я ослепла, оглохла и потеряла ориентацию в пространстве. «Бешеная псина» колыхалась сотнями тел, пахла потом, ароматизаторами и пороком. Воняла адскими котлами и машинным маслом. Лизка и Варькина выглядели на этом адском балу монахинями-пресвитерианками.

– Пойдем, звезда, – ткнула меня в спину Катька. И я пошла, как коза на поводке, лавируя между танцующими и думая, что название клуба не соответствует содержимому. Это пристанище смертных грехов надо было обозвать Titty Twister. Потому что люди, переступая порог этого заведения превращаются в упырей и вурдалаков, теряют человеческий облик и…

Нет, я не споткнулась. Меня толкнули, сопроводив словами «Куда прешь, корова толстая». Услышала боевой рев Варькиной, которая ненавидит, когда ее подруг обижают. И теперь несчастному толкачу не жить. Нас вышибут с позором даже отсюда, сто пудово. Только я этого уже не увижу, потому что сдохну, убившись об пол в третьесортном клубе. Обидно. Все это я с грустью осознала, пролетев метров десять вперед, потом запнулась за дурацкую одноногую табуретку, свалилась на пол и кубарем покатилась куда-то, сбивая зазевавшихся танцоров, словно кегли. Мат, которым сопровождались мои кувырки, перекрывал грохот электронной музыки, по децибелам, достигая максимума и скорости звука.

Рев Варькиной несся, словно гончие Эхнатона косящие на своем пути всех и вся, визжала Лизка. И судя по гулу, отдающемуся в полу несчастного клуба, драка на танцполе была смертельная и жаркая. Слава богу я просто сверну шею. Сделав последний кувырок я почувствовала, что какая-то суперсила поднимает меня в воздух.

– Я говорил, что нужно идти в нормальный клуб, – услышала я голос, от которого превратилась в огромную, толстую мурашку. Задергалась в сильном захвате чужих рук. Мозг лихо-

радочно искал пути отступления. – Почему ты притащил меня сюда, Миха? Признавайся, так изощренно ты пытаешься от меня избавиться?

– Надо было сидеть дома, – ответил писклявый фальцет помощника моего задания.

– Мадам, вы не ушиблись? – хохотнул Холод, ставя меня на ноги. Потом присмотрелся и в его глазах я увидела удивление, тут же перешедшее в торжество. – Опа, Михуил, смотри какая птица попалась в наши с тобой сети. А ты говорил, что ничего хорошего из моей затеи с танцами не выйдет. Ку-ку, Гриня.

Я сделала шаг назад и уперлась спиной в каменную стену, точнее в секретаря чертова мерзавца, понимая, что варианты отступления тают на глазах. И теперь мне точно кранты.

– Глупый маленький лягушонок. Само провидение…

– Вон, эти во всем виноваты, – заорала Варькина. Вот за что я люблю мою подругу, так это за то, что она быстро ориентируется в любой ситуации. И теперь оценила ситуацию со скоростью пули. Загрохотали шаги сотен ног по полированной плитке, музыка заревела тяжелым металлом, воздух запах звездюлями и смертью. Но Холод еще ничего не понял. Смотрел мне за спину с интересом.

– Бегите, – вякнула я, но было поздно. Толпа смела нас, поглотила и пожевав меня, выплюнула, свившись в торнадо над несчастным миллиардером.

– Валим, – заорала над моим ухом Лизка. Что-то дернуло меня и потащило к выходу, от которого с брандспойтами неслись охранники. К счастью они не обратили внимания на трех потрепанных сумасшедших, ползущих к спасительному порталу.

– Ты успела что-нибудь заснять? – пропыхтела мне в затылок Варькина.

– Нет, – пискнула я без сожаления.

– Слава богу у тебя есть умные подруги. Умные, предусмотрительные и оборотистые. И давай, шевели копытами. Сейчас там очухаются и бросятся в погоню. Обычно зачинщикам достается больше всего, – одышливо пробубнила Катька.

Егор Холод

Никогда не думай, что ты венец творения, ведь гордыня страшный грех. Гордыня и глупость – две силы, способные уничтожить, развеять на атомы и засосать в черную дыру. Гордыня, глупость и толстая малявка, у которой совсем нет чувства самосохранения и страха и мозга в маленькой башке. Иначе бы она поняла, что я не прощу ей унижения.

– Ты знаешь кто я? – прорычал я, пытаясь открыть глаз и посмотреть на потрепанного полицейского, составляющего протокол. Ненавижу эту фразу, но видимо прилетело мне не хило, если я начал бравировать своим положением в обществе. Боль в рассеченной брови стала нестерпимой. Я приложил к ране дужку от застегнутых на моих запястьях наручников, чтобы хоть немного унять ее, и охладить кипящий от злости и беспомощности мозг. Получать по морде – становится дурной традицией. И появилось у меня это развлечение ровно в тот поганый момент, когда я впервые увидел чертову Промсардельку. В жизни столько меня не били по голове, в которую я между прочим не только ем, как за последние несколько дней. Даже в детдоме не трогали, знали, что ответка прилетит незамедлительно. А тут, я прямо в растерянности. Шокирован я. Ну ничего, найду Лягушонку и надеру ее сдобную задницу. От этих мыслей меня обуяла непонятная истома, теплом растекающаяся по телу, стирающая боль как анестезия. Наверное голову мне все же повредили, и это прискорбно.

– Господин Холод, в первую очередь вы нарушитель правопорядка, – выдохнул лейтенантишка, похожий на дохлого кузнечика, которого природа по ошибке наградила торчащим во все стороны редкими волосенками и глазами, как у кота из Шрека. – Ночной клуб понес материальный ущерб. Ваш приятель покалечил десяток человек, напольная плитка побита, про посуду, мебель и дискошар я уж молчу.

– Дискошар тоже мы снесли? – приподнял я покалеченную бровь, от чего меня перекосило. – Но как?

– Ну, технически да. Когда ваш друг кинул в него диджеем, дорогостоящий прибор отвалился и проломил звуковой пульт заведения, – хмыкнул облезлый. Черт, ну почему я не послушался Мишку? Надо было засесть в ВИПе и обставить все входы и выходы охраной. Я захотел быть ближе к народу и веселья. Повеселились, блин. И виновата во всем бешеная Промсарделька. Как ее только занесло в это чертово гнездо порока?

– Зябзиков, – раздался со стороны кабинетной двери громоподобный голос и в поле моего зрения появился невысокий тучный крепыш в идеально отглаженной форме и с большими звездами на плечах. – Зябзиков, ты дурак? Ты почему не доложил? Господи. Егор Семенович, как вы? Этого дурака мы накажем. Зябзиков, извинись перед господином Холодом за причиненные неудобства. Господи, боже. Простите нас. Это все фатальная ошибка. Зябзиков, твою мать, ты что не видел, что перед тобой почетный гражданин нащего города, слуга народа. Не будет тебе премии.

– Богом меня еще не называли, – глупо икнул я.

– Это правонарушитель, – упрямо выдвинул вперед челюсть несчастный летеха. С фамилией ему тоже не повезло, болезному. – Я действовал в рамках закона.

– Наручники, Зябзиков, где ключ? – прошипел генерал. – В рамках закона придурков ты действовал? Хрен тебе, а не премия.

– Но…

– Полгода без премии…

– Генерал, я не в претензии, – прохрипел я, растирая затекшие от браслетов запястья. – Парня поощрить надо, наоборот. Сразу видно, что он честный. И еще, у меня личная просьба.

– Все что угодно, – мгновенно откликнулся начальник.

– Мне нужны съемки с видеокамер, адреса зачинщиц драки и Михаил, которого ваш Зябзиков запер обезьяннике с асоциальным элементом.

– Зябзиков, в обезьянник? Господи… – простонал генерал, и так посмотрел на подчиненного, что будь я на его месте, тут же бы осыпался прахом к начищенным ботинкам толстяка. – Все получите в течение суток. Баб найдем, землю перелопатим.

– Прекрасно, если найдете коз быстро, ваш участок обзаведется всем необходимым оборудованием, – криво ухмыльнулся я и спрятал за спину руки на всякий случай. Вдруг лобзать вздумают. А я не люблю телячьих нежностей от людей в погонах.

Мишка ждал меня на крыльце, вопреки своим убеждением вертел в руках «раковую палочку» и задумчиво смотрел вдаль полными грусти глазами. Выглядел бравый дружище так, словно его пропустили через мясорубку несколько раз, а потом наспех слепили голлума обратно. Дорогой костюм, лохмотьями, свисал с монументальной фигуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.